

Твои мне на заре алели розы,
Они светили ярко, как любовь.
Я на твоих штыках в ночи морозной
Замерзшую — сквозь иней — видел кровь.
Все пули, что в твои попали крылья,
У нас в сердцах застряли — в глубине.
Снега равнин мы кровью обагрили.
Горели мы не раз в твоём огне.
Порой ты спотыкалось, и с тобою
Мы спотыкались тоже в трудный час.
Ты горький яд давало нам порою,
Но все же знамя красное для нас
Осталось тем же. Мы не забывали,
Что цвет его — цвет зорь грядущих дней,
И, падая, его не отдавали
Своим врагам, врагам судьбы твоей.
Зря без отцов детей ты оставляло.
Но дети подросли, и вышли в бой,
И погибали, снег глотая талый,
Презрев обиду и гордясь тобой.
Твоей неправоты мы знали силу.
Но в горький час — сыны своей земли —
Мы были с нею, зданья возводили,
Растили виноград и скот пасли.
Дорога к счастью через кровь и грозы
Всегда вела. Жизнь вовсе не проста:
Ей часто служат вместе меч и роза,
И будущим живет она всегда.
Плоды и мед ты, время, мне давало,
Но часто пил я горечи вино.
Твоя мне копоть поры забивала —
Твои рассветы видел все равно.
Пусть часто было трудно нам с тобою,
Вершиной ты касаешься небес.
Частица леса — дерево лесное.
Я — дерево твое, ты ж, время, — лес.
Ломает буря дерево, но все же
Растут деревья, снова зелены,
Нет, зимним бурям лес не уничтожить,
Он все равно, качаясь, ждет весны.
Но гибнуть больно дереву живому
И речке тоже грустно высыхать,
Хоть без нее хватает водоемов,
Ей хочется самой журчать, сверкать.

Ты, время, созидашь неустанно.
На грозы и цветы твои смотрю
И, забывая штыковые раны,
Грядущих дней приветствую зарю.

Перевел Н. Коржавин

Как скучно б стало жить, когда б моря и горы
Исчезли вдруг совсем, навек, с лица земли
И не было б у нас ни синего простора,
Ни этих гордых гор, белеющих вдали.
Нет, если б даже мы о них не знали, все же
Мы б отыскали их — я верю — все равно.
Шумите же, моря, — на небо вы похожи!
Белейте, гребни гор, как вам белеть дано!

Перевел Н. Коржавин

В аплодисментах ли артиста счастье?
Нет. Если зал в одно соединен
Судьбой Отелло, зал над ним не властен.
Не до похвал. Отелло — это он.
Он видит только ширь большого моря,
Блеск нестерпимый горестного дня,
Когда со всей землей он был в раздоре.
Он только-только вышел из огня...

Перевел Н. Коржавин

Да, раны, нанесенные любовью,
И раны, нанесенные войной,
Болят равно, равно нам стоят крови

И жгут нам сердце жгучестью одной.
Ведь нам, еще когда вошли мы в силу,
Чтоб научились радость мы беречь,
С цветами вместе юность меч вручила,
И это наша жизнь — цветы и меч.

Перевел Н. Коржавин

Сожженной Хиросимы горький дым
Проник в мой дом, и я опять страдаю.
И дым Освенцима ползет за ним.
Чернеет он, мне душу угнетая.
Земля — нам дом родной, единый дом.
Когда в нем праздник, я его участник.
Смеюсь, пляшу — все ходит ходуном.
Но если в нем несчастье, я несчастен.
Мы все — ограда дома. Силой всех
Он устоять способен в наше время.
Кто это сердцем понял — Человек:
Пить может из одной реки со всеми.
На праздниках твоих пляшу я всласть,
Дом, где я рос, — земля моя большая.
Но в день беды готов я мертвым пасть,
Пасть, твой порог врагу не уступая.

Перевел Н. Коржавин

Зловещие слова — Майданек, Бухенвал,
Освенцим — пахнут кровью и сегодня,
В них о погибших тяжкая печаль.
Она ничуть с годами не проходит.
Я в шуме ветра слышу песнь о ней,
Когда он вдоль ущелья пролетает.
Ждут матери поныне сыновей —
То по ночам для них ветра рыдают.
Майданек, Бухенвальд все снятся нам,
Как сжечь язык — слова промолвить эти,
Как будто там, убит, упал я сам,

У проволоки ржавой на рассвете.

Перевел Н. Коржавин

На горы выпал первый снег.
О, если б так ты мог прислать
Весть о себе! Но вести нет,
И ждет ее годами мать.
Как весть горам, был в эту ночь
Снег, первый снег за этот год.
За ночью ночь уходит прочь,
Весть о тебе так не придет.
Ты — там, где не гремит гроза,
Где снег вовеки не пойдет.
Жестокость ясные глаза
Твои закрыла. Мать все ждет.
Шел ночью снег. О, если б так
Весть о себе ты мог прислать!
Но затерялась весть в годах,
И ждет ее все время мать.
О, мысли горькие о тех,
Кто не вернулся в отчий дом!
О них ли весть внезапный снег?
Нам не узнать вовек о том!

Перевел Н. Коржавин

Моря и океаны. Я немало
О них узнал. Они, как жизнь, мощны.
Их мать моя ни разу не видала,
А я люблю их, мне они нужны.
Но речка, что скалу насквозь пробилла,—
Она мне удивительней стократ:
Ведь из нее веками предки пили,
И каждый был воде прозрачной рад.
Мой детский лепет повторяя странно,
Она несется вниз, шумит, поет.
И вижу я моря и океаны,

Когда смотрю в теснине на нее...

Перевел Н. Коржавин

